

Известия. - 1995. - 24 мая. - с. 7.

Почти неизвестный Михаил Шолохов

В московских издательствах «Раритет» и «Либерея» выходит книга Валентина Осипова «Тайная жизнь Михаила Шолохова. Документальная хроника без легенд». Неужели у человека, бывшего вроде бы всегда на виду, обласканного в свое время властями и прессой, лауреата всех премий, включая Нобелевскую, академика, депутата, делегата всевозможных съездов, у человека, ответившего на тысячи вопросов анкет, газет и журналов, была еще какая-то тайная жизнь? Корреспондент «Известий» встретился с автором книги, издателем и писателем Валентином ОСИПОВЫМ.

— Шолохов — это фигура неординарная, — говорит он, — и судить о писателе сегодня сплеча нельзя — уж очень многого мы не знали.

— Значит, действительно у Шолохова была некая тайная жизнь?

— Тайная, то есть неизвестная многим. На документах, связанных с именем писателя, которые я находил в архивах, стоял гриф «секретно». А кое-что еще и до сих пор недоступно исследователям.

— Можете привести какой-нибудь пример?

— Да взять хотя бы письма Шолохова к Сталину 30-х годов о раскулачивании середняков, о насильственном изъятии скота и хлеба, о голоде, о попытках в следственных камерах НКВД, об арестах невиновных... Шли подобные письма от него и близким знакомым, друзьям. Хотите пару цитат? «В вацаремском колхозе колхозникам обливали ноги и подолы юбок керосином, закигали, а потом тушили: «Скажешь, где яма?» (То есть яма с хлебом, с зерном). Еще: «А вокруг творится страшное... Один из хуторов: в нем 65 хозяйств. С 1 февраля умерло около 150 человек. По сути, хутор вымер. Мертвых не заховывают, а сваливают в погреб. Это в районе, который дал стране 2.300.000 пудов хлеба». Из другого письма: «Надо покончить с постыдной системой пыток, применяющихся к арестованным... Невиновные сидят, виновные здравствуют, и никто не думает привлекать их к ответственности».

В те годы собирали компромат и на самого Шолохова. Одно из свидетельств: «Я, гр. хутора Колундаевка Вешенского района, арестован органами РОНКВД. При допросе на меня наставляли наган и требовали подписать показания о контрреволюционной деятельности писателя Шолохова...» А однажды за ним уже приехали, чтобы арестовать, но добрые люди вовремя предупредили, и ему удалось бежать... В дневниках Корнея Чуковского есть запись о том, как один из помощников Хрущева признавался ему, будто обладает документами, доказывающими, что Сталин намеревался физически уничтожить Шолохова.

— И тем не менее перед войной Шолохов — и депутат Верховного Совета, и академик, и лауреат Сталинской премии. Как это совместить?

— Думаю, это свидетельство сталинской политики «кнути и пряника» — уж очень хотелось «вождю народов» заставить одного из талантливейших писателей создать

книгу про него, возвеличить для потомков. Но Шолохов, заметьте, не поддавался ни угрозам, ни лести.

— Но нет у него, положим, и следующей книги «Поднятой целины», где он во всю свою мощь показал бы ужасы 30-х годов на селе...

— Вы помните, наверное, «Поднятую целину» по школьному препарируемому курсу, а я, работая над книгой, внимательнейшим образом перечитал ее. Кстати, у автора она называлась «С потом и кровью». И знаете, не нашел там ни слова лжи. Это вовсе не гимн коллективизации, как когда-то нас учили. Уверен, что школьный учитель не обратил ваше внимание хотя бы вот на такое место. В деревне спорят о правых и левых уклонах — об оппозиции, и звучит такая фраза: «Зараз появились у Советской власти два крыла: правая и левая. Когда же она сыметя и полетит от нас к ядре фене?» Книга, напомним, вышла в 1932 году... Что же касается второй части «Поднятой целины», она была закончена до войны, но публиковать ее Шолохов не стал. Что там было?.. Она сгорела вместе с домом писателя под фашистскими бомбами. После войны он долго и мучительно ее восстанавливал, переделывал. Почему не включил туда всех ужасов 30-х? Наверное, по одной причине: боялся навредить партии. Это его слова, произнесенные при встрече с иностранными корреспондентами.

— Значит, был он-таки ярлым коммунистом и в угоду идее покрякивал душой?

— В партию вступил добровольно, в 32-м году. А за семь лет до того... венчался в одном из московских храмов. Мне супруга его, Мария Петровна, рассказывала. Он никогда не был коммунистом-ортодоксом. Да, идее поверил — создать нечто лучшее, светлое для страны и народа. Тогда это называлось коммунизмом. Он был идеалистом и выступал за эту идею вообще, в расширительном понимании, и не принимал античеловеческих методов ее воплощения в жизнь. Трудно было совместить внутри себя черное от жизни и светлое от мечты, это разрывало душу, не давало творить, мешало жить.

— Может, поэтому он и стал пить? Даже до читателей доходили слухи об увлечении Шолохова застольями...

— Я познакомился с некоторыми секретными документами ЦК по этому поводу времен 50-х годов. Была составлена записка о принудительном лечении писателя. Но чем больше я изучал эти бума-

ги, тем лучше понимал, что то был лишь способ хоть как-то повлиять на неуправляемого, «строптивого» писателя. У нас в ту пору газеты постарались замолчать одно парижское интервью Шолохова. Тогда как раз была в разгаре травля Пастернака, его «Доктора Живаго». Отвечая на ехидный вопрос французского журналиста, что он думает об этом романе, Михаил Александрович сказал, что надо его сначала опубликовать в России, прочитать, а потом уж выносить суждения... Что там было! Советский посол срочно сочинил секретную депешу в ЦК — как быть с Шолоховым?.. Что касается увлечения застольями, думаю, что пил он не больше, чем другие творческие люди. Во всяком случае, в пору моего знакомства с писателем он за столом только усы в рюмке мочил.

— Вы произнесли имя Пастернака. Но у нас гонимых было немало.

— Меня поразило, что еще до войны Шолохов вступился за арестованного сына Анны Ахматовой Льва Гумилева, и его выпустили на свободу, увы, ненадолго. Вступился писатель и за творчество самой Ахматовой: не печатавшаяся с 25-го года, она издала с его помощью свои избранные произведения 1912–1940 годов. Что произошло с этой книгой дальше? Читаем в записках Ахматовой: «Шолохов выставил ее на Сталинскую премию (1940)». Ну это было уж слишком! Премии, конечно, не дали, а книгу разнесли в пух и прах как «идеологически чуждую». ...Потом вызволил из тюрьмы сына Андрея Платонова и помог выходу сборника собранных и обработанных писателем русских сказок.

— Но известно, что Свияжского и Даниила Шолохов осудил, за что подвергся зубодробительной критике Солженицына...

— Кстати, солженицынский «Один день Ивана Денисовича» Шолохов приветствовал вместе с Твардовским... Ну, а на счет Свияжского и Даниила, думаю, его покоробила как бы откровенная «измена Родине». Тут, надо думать, сработал принцип «не повреди Отечеству». Непривычно тогда еще это было — диссидентство; чутье, видно, в этом случае его подвело.

— В какой стадии сейчас находится спор о шолоховском плагиате?

— Напомню, что еще до войны выдвигалось с десяток нелепых версий, терзавших нервы писателя. А самая последняя, о которой узнал: «Тихий Дон» будто бы был написан бригадой молодых писателей под руководством Серафимовича. Лично я считаю, что вопрос о плагиате закрыт после исследования группы шведских и норвежских ученых под руководством Г. Хьетсо, которая, применив научные методы математической статистики, доказала бесспорное авторство Шолохова.

Руслан АРМЕЕВ,
«Известия».